

**В.А. Аракчеев. Власть и «земля»:
Правительственная политика
в отношении тяглых сословий в России
второй половины XVI – начала XVII века**

В современной отечественной и зарубежной науке не утихают споры относительно места, которое занимают в судьбе Российского государства вторая половина XVI – начало XVII в., эпоха, прочно связанная в сознании учёных с фигурами Ивана Грозного и Бориса Годунова. Что представляло собой Московское царство того периода, как протекал процесс закрепощения крестьянства и посадского населения, какой социально-политический потенциал несли в себе формирующиеся земские органы самоуправления, была ли опричина полным разрывом с предшествующей социально-политической и административной практикой, можно ли считать Смутное время начала XVII в. моментом коренного перелома в развитии российской цивилизации – вот далеко не полный перечень проблем, поднятых в недавно опубликованной монографии Владимира Анатольевича Аракчеева¹. Доктор исторических наук В.А. Аракчеев (Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина) широко известен в научной среде благодаря работам о средневековом Пскове, а также многочисленным статьям и публикациям, посвящённым Российскому государству второй половины XVI – начала XVII в.

В дискуссии о книге Аракчеева приняли участие доктора исторических наук М.М. Кром (Европейский университет в Санкт-Петербурге), Д.В. Лисейцев (Институт российской истории РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»), А.П. Павлов (Санкт-Петербургский государственный университет), И.О. Тюменцев (Волгоградский филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), кандидаты исторических наук А.В. Виноградов (Институт российской истории РАН) и Н.В. Рыбалко (Волгоградский государственный университет).

Михаил Кром: Административная практика Московского государства XVI – начала XVII в.: к вопросу о пределах институционального подхода

Mikhail Krom (European University at Saint Petersburg, Russia): Administrative practices of the Moscow State in the sixteenth and early seventeenth centuries and the limits of institutional approach

В.А. Аракчеев посвятил свою книгу ключевым проблемам социально-политической истории России XVI – начала XVII в. – становлению земских учреждений и закрепощению крестьян и посадских людей. Эти сюжеты не раз

¹ Аракчеев В.А. Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М.: Древлехранилище, 2014. 512 с.

становились темой изучения крупнейших историков XX в., от В.О. Ключевского и М.А. Дьяконова до А.А. Зимина, Н.Е. Носова, В.И. Корецкого и Б.Н. Флори. Тем не менее автору удалось внести немало нового в рассмотренные им дискуссионные вопросы. Одно из слагаемых его успеха, на мой взгляд, заключается в расширении источниковой базы (в научный оборот введены несколько десятков ранее не известных документов) и тщательном анализе всей совокупности сохранившихся материалов.

Источниковедение в обсуждаемой книге Аракчеева достойно всяческих похвал: исследователь систематизировал и сопоставил свидетельства источников по каждому рассматриваемому вопросу, учитывая все ранее опубликованные комментарии учёных. При этом анализ правовых норм дополнен изучением терминологии памятников. К числу наиболее значимых источниковедческих наблюдений автора следует отнести оригинальную интерпретацию ст. 64 Судебника 1550 г. (с. 195–201), новое понимание режима «заповедных лет» как особого порядка сыска беглых крестьян и их возвращения частным владельцам – служилым людям – по челобитным последних и по суду (с. 291), а также детальный разбор так называемого Уложения царя Василия Шуйского 1607 г., известного только в изложении В.Н. Татищева (с. 92–100, 332–351). Проведённый Аракчеевым тщательный анализ этого текста не оставляет, на мой взгляд, сомнений в том, что пресловутое «Уложение» является компиляцией, составленной Татищевым на основе подлинного царского указа в Чердынь о сыске черносозных крестьян, указа 1597 г. об «урочных годах» и собственных представлений известного историка и администратора о крепостном праве (с. 361).

Основным исследовательским подходом, применённым в монографии, по справедливому признанию самого автора, является институциональный анализ (с. 6, 16, 412). Можно также сказать, что его подход прагматичен, причём в двойном смысле: во-первых, в центре внимания находится прежде всего *практика* административных преобразований изучаемого времени, а во-вторых, учёный последовательно стремится избежать политизированных или идеологических оценок, нередко звучавших в предшествующей историографии при характеристике социально-политического строя страны на рубеже XVI–XVII вв. Несомненным достоинством книги является внимание автора к региональным особенностям и социальным грациям проводимой центральной властью политики. В частности, пристального внимания заслуживают наблюдения о многообразии форм, которые приняло преобразование структур местного управления в разных уездах страны: «Мероприятия 1550-х годов приняли характер реформы лишь в черносозных посадах и волостях с однородной структурой населения, которое получило существенные права и привилегии»; в уездах же с поместью-вотчинным землевладением «действительно самоуправляющиеся земства так и не возникли, поскольку этому препятствовали объединённые в одну “кость” разные категории населения» (с. 261–262).

Хорошо обоснованным представляется и вывод исследователя о том, что закрепощение во второй половине XVI в. происходило по нескольким сходящимся направлениям: по крайней мере, с 1550-х гг. писцы получали указы о возврате на посады беглых тягловцев; с 1580-х гг. такие же указы давались в отношении дворцовых и черносозных крестьян; параллельно на частновладельческих землях с 1581 г. действовал режим «заповедных лет», предусматривавший возвращение беглецов по суду (с. 303–305, 310–311).

В целом картина административной практики в Русском государстве второй половины XVI – начала XVII в., какой она предстаёт в свете исследования Аракчеева, выглядит убедительно и внутренне непротиворечиво. Особое значение, на мой взгляд, имеет вывод учёного о том, что «земская реформа... никак не выглядит антитезой монархическому государству и его институтам» (с. 412). Земские учреждения, как показано в монографии, вполне уживались с опричниной; более того, верхушка земских миров, как это было на Двине в 1568 г., использовала опричные методы управления для притеснения конкурентов (с. 369); государственный аппарат проникал в «толщу земских миров, чьи усилия по самоорганизации были бюрократизированы и поставлены под контроль и отчёт» (с. 412).

Успех книги Аракчеева побуждает согласиться с автором в том, что возможности институционального анализа ещё не исчерпаны современной наукой (с. 6). Вместе с тем этому подходу, как и любому другому, присущи свои слабости и ограничения, что монография демонстрирует весьма наглядно. Институциональная история, как она сложилась в науке XIX – середины XX в., нацелена прежде всего на реконструкцию внешней канвы событий, выяснение целей создания и функций возникавших учреждений или порядков. Причём мнения современников о происходивших переменах учитываются исследователями лишь в той мере, в какой они не противоречат воссоздаваемой ими «объективной картине». Но такой подход противостоит важной тенденции в историографии второй половины XX в., выразившейся, в частности, в различных формах антропологически ориентированной истории, – тенденции к изучению мировосприятия, категорий, ценностей и понятий людей определённой эпохи, т.е. способа описания общества, который американский лингвист Кеннет Л. Пайк назвал *эмическим* (emic) подходом².

В книге Аракчеева летописные тексты и материалы Стоглавого собора анализируются лишь с точки зрения отражения в них «политических реалий» изучаемой эпохи (с. 9–10, 193–194, 217–223), а религиозно-нравственные мотивы, пронизывающие цитируемые памятники³, не принимаются всерьёз, поскольку они не находят своего места в концепции учёного. Если же свидетельства источников противоречат его представлениям, то они просто дезавуируются. Так, по словам автора, «не заслуживает полного доверия... версия причин губной реформы, изложенная в Псковской летописи, риторика которой основана на презумпции коррумпированности и безответственности кормленщиков» (с. 193). Замечу, однако, что в указанном летописном тексте ничего не сказано о «причинах губной реформы», да и сам этот термин принадлежит научному языку: в памятниках XVI в. не употребляется ни слово «реформа», ни какой-либо его эквивалент. Псковский летописец лишь описал введение губных учреждений в своём городе на фоне конфликта населения с наместниками и подчеркнул «радость и лготу велику» псковичам «от лихих людей и от поклепец и от наместников и от их неделщиков и от ездоков»⁴.

² Об эмическом подходе см.: Кром М.М. Историческая антропология: Учебное пособие. СПб.; М., 2010. С. 105.

³ См. подробнее: Кром М.М. Религиозно-нравственное обоснование административных преобразований в России XVI века // Religion und Integration im Moskauer Russland. Konzepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen. 14.–17. Jahrhundert. Hrsg. von Ludwig Steindorff. Wiesbaden, 2010 (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 76). S. 49–64.

⁴ Псковские летописи. Вып. I. М.; Л., 1941. С. 110.

Разумеется, меру влияния подобных настроений на политику центральной власти в местном управлении можно обсуждать. Аракчеев полагает, что и в ходе земской реформы 1550-х гг. «перевод городов и волостей на откуп далеко не повсеместно сопровождался ликвидацией института наместников» (с. 273), но отвергать их как нечто, не имеющее отношения к делу, не приходится.

Не склонен автор доверять и мнению современников о власти воевод XVII в.: «Институт воевод в России этого времени, — пишет учёный, — как никакой другой демонстрирует несоответствие представлений современников о нём его сущности. В воеводах, являвшихся одновременно инструментом и продуктом социально-политической интеграции, население видело корыстных администраторов, собиравших корм уже не в силу закона, а по обычаю» (с. 397). Но что даёт исследователю уверенность в том, что он правильно понимает «сущность» изучаемых им преобразований? Уязвимое место институциональной истории — вопросы целеполагания, т.е. мотивов, которыми руководствовались законодатели и администраторы, вводя новую норму или создавая то или иное учреждение. Поскольку ясной и целостной программы «реформ» в источниках XVI в. не содержится, велик риск их произвольных толкований.

Так, не придавая значения «антинаместничьей» риторике летописей, Аракчеев полагает, что «губная реформа была вызвана причинами, общими с мотивами других преобразований середины XVI в. и изложенными в известных “царских вопросах” к Стоглавому собору, которые датируются июнем–июлем 1550 г.» (с. 193). Мне трудно понять, как «речи» 1550 г. могут объяснить мотивы издания известных нам с конца 1530-х гг. губных грамот, тем более что на Стоглавом соборе суровой критике были подвергнуты «поисшатавшиеся» в годы боярского «самовластья» «обычай»⁵. Сами же «царские вопросы» исследователь интерпретировал следующим образом: они «были проникнуты подспудной мыслью: как распорядиться властью, чтобы добиться повиновения и признания подданных? Эту цель преследовали законодательные мероприятия правительства 1549–1550 гг., воплотившиеся в принятии Судебника 1550 г.» (с. 194).

Мне кажется, «подспудную мысль» царя историк не угадал: неужели юному государю, незадолго перед тем венчавшемуся на царство, были нужны некие «законодательные мероприятия», чтобы добиться «повиновения и признания» подданных? Ни в одном сочинении Грозного мне не встретились подобные рассуждения. А между тем основная мысль разбираемого фрагмента Стоглава лежит на поверхности: необходимо исправить пошатнувшиеся обычай и порядки, установить праведный суд, преодолеть «земские нестроения», т.е. социальную рознь⁶. Этот идеал сугубо консервативен, и как, спрашивается, подобная идеология могла сочетаться с многочисленными преобразованиями, которые произошли в XVI столетии?

Автор, не задаваясь подобными вопросами и следуя прагматичному институциональному подходу, реконструирует административную практику Московского государства по сохранившимся источникам и делает это, охотно повторяю, вполне успешно. Но в ходе предпринятой реконструкции ему не удалось избежать сложных проблем интерпретации: помимо определения содержания тех или иных преобразований приходится уточнять их хронологию (границы

⁵ Стоглав // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 2. М., 1985. С. 267.

⁶ Там же.

периодов земской реформы, по признанию Аракчеева, размыты (с. 244))⁷. Более того, исследователь, в конечном счёте, сам решает, какое мероприятие заслуживает термина «реформа», а какое — нет: выше я уже цитировал его суждение о том, что характер реформы носили лишь преобразования 1550-х гг. в черносошных районах страны (с. 261). Но тогда как следует назвать менее радикальные перемены в уездах с поместью-вотчинным землевладением? С другой стороны, замена наместников воеводами в 1580-х гг. выглядит, по словам автора, «как значимая реформа» (с. 395), хотя, добавлю, таковой в историографии обычно не именуется. Понятно, что чётких критериев выделения «реформ» из общего потока административных мероприятий XVI в. не существует. Поэтому у разных исследователей будут различаться и количество «реформ», и их хронологические рамки, и прочие характеристики.

Здесь мы подходим к вопросу о категориальном аппарате историка. Уместно ли использовать привычные для нас термины «политика», «правительство», «реформы» применительно к XVI в.? Не вызывают ли они диссонанс с понятиями и ценностями той эпохи? Полемизируя со мной, Аракчеев настаивает на применимости термина «политика» к изучаемому им периоду, ссылаясь на её веберовское определение и подчеркивая «политические коннотации» в текстах XVI в. (с. 8–10). Однако вопрос состоит не в том, была ли вообще «политика» в эпоху Ивана Грозного и его наследников: очевидно, была. Но отличалось ли чем-либо тогдашнее понимание политического от характерного для нашего времени? В моей статье, цитируемой Аракчеевым, сделана попытка показать, что веберовская трактовка политики отнюдь не является единственно возможной, что в древности и в Средневековье господствовало иное её понимание — то, которое мы находим у Аристотеля. Именно аристотелевскому идеалу общего блага как цели политики соответствует понятие «дела государева и земского», игравшее важную роль в русском дискурсе XVI — начала XVII в.⁸

Таким образом, я полагаю, историк должен учитывать понятийный горизонт изучаемой эпохи (как это блестяще продемонстрировал Люсьен Февр в своей знаменитой книге «Проблема неверия в XVI веке. Религия Рабле»⁹). Что же касается термина «реформы», то применительно к России XVI в. он больше затемняет, чем проясняет суть дела, и, на мой взгляд, с его использованием лучше «повременить» до второй половины XVII или XVIII в.¹⁰

Последнее замечание, которое я бы хотел сделать, касается сравнительно-исторического контекста, которого, как мне кажется, не хватает в исследовании. Вообще институциональная история отнюдь не всегда чурается сравнения, как

⁷ О проблеме периодизации преобразований XVI в., хронологические рамки которых размыты и допускают разные трактовки, я писал ранее на материале губной реформы. См.: *Кром М.М.* Хронология губной реформы и некоторые особенности административных преобразований в России XVI века // Исторические записки. Вып. 10(128). М., 2007. С. 373–397.

⁸ См.: *Кром М.М.* К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // Одиссей. Человек в истории. 2005. М., 2005. С. 283–303; *он же.* «Дело государево и земское»: Понятие общего блага в политическом дискурсе России XVI в. // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сборник статей памяти академика Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 581–585.

⁹ *Febvre L.* Le problème de l'incroyance au XVIe siècle. La religion de Rabelais. P., 1942.

¹⁰ См.: *Кром М.* Les réformes russes du XVIe siècle: un mythe historiographique? // *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 64e année, № 3 (mai–juin 2009). P. 561–578; *Кром М.М., Пименова Л.А.* Феномен реформ в Европе раннего Нового времени (вместо предисловия) // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): сборник статей. СПб., 2013. С. 7–16.

это видно на примере блестящих работ Отто Хинце¹¹. В отечественной традиции можно вспомнить труды Н.П. Павлова-Сильванского, но в обширной историографии, посвященной России XVI – начала XVII в., компаративистских работ практически нет.

Но можно ли, не прибегая к сравнению, решить задачу, поставленную Аракчеевым: «наметить подходы к определению типологии российской государственности» (с. 17)? Отдельные параллели, встречающиеся в книге (например, между русскими «посланниками» второй половины XVI в. и средневековыми *missi* в Западной Европе или между ходом закрепощения в России и в Центральной Европе (с. 373, 412)), не позволяют сделать обоснованных выводов. Поэтому, когда в заключении автор пишет о наблюдаемых в московской административной практике «общеевропейских тенденциях – к бюрократизации, рационализации, унификации» и о том, что «Россия второй половины XVI – начала XVII в. предстает как европейское государство» (с. 413), – такой вывод, сам по себе правдоподобный, но не подкрепленный сравнительно-историческими штудиями, звучит голословно.

Книга В.А. Аракчеева является крупным достижением современной российской историографии. Многие наблюдения автора над московской административной практикой XVI – начала XVII в. прочно войдут в научный оборот. Вместе с тем на примере этой монографии можно сказать, что возможности институционального подхода, в русле которого она написана, отнюдь не безграничны. Перспективы серьезного переосмысления эпохи Московского царства видятся мне на путях сравнительной истории и истории понятий.

Дмитрий Лисейцев: «Подвижность» терминов и коварство классификаций¹²

Dmitry Liseitsev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, and National Research University Higher School of Economics, Russia): On «fluidity» of terms and unreliability of classifications

Книга В.А. Аракчеева относится к числу трудов, публикации которых специалисты по смежным тематикам ждут с нетерпением. Взгляды автора на политические и экономические процессы, протекавшие в России XVI – начала XVII в., хорошо известны исследователям истории Московского царства по многочисленным статьям, нередко носившим постановочный характер, а также по блестящим архивным находкам, ставшим заслуженным итогом его долгой и кропотливой работы в документальных собраниях архивохранилищ Москвы и Санкт-Петербурга. Появление монографии в 2014 г. – настоящий подарок для специалистов и своего рода веха в изучении российской истории второй половины XVI – начала XVII в.

Книга Аракчеева удивляет многогранностью: автору удалось собрать в ней сюжеты, традиционно рассматриваемые в отечественной историографии изолированно друг от друга. Это и анализ статуса тяглого населения (крестьянства

¹¹ Сравнительно-исторические статьи Отто Хинце собраны в первом томе его избранных трудов: *Hintze O. Staat und Verfassung. Gesammelte Abhandlungen zur allgemeinen Verfassungsgeschichte* (Gesammelte Abhandlungen, Bd. I). 3. Aufl. Göttingen, 1970.

¹² Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.